

В прошлом она была с Гу Вэньмянь дружна с детства, и хотя её статус был несколько ниже, она всё же могла претендовать на звание наложницы. Однако в итоге Гу Вэньмянь женился на старшей принцессе, и с таким высоким статусом, как у неё, Е Демен могла стать лишь почётной наложницей. Это заставило её, искренне любившую Гу Вэньмянь, испытывать глубокое отвращение к Госпоже Синь.

Но что из этого?

Прошли годы, и хотя Госпожа Синь внешне процветала, управляя внутренними делами Резиденции князя И, родив законного сына и дочь, любимой всё равно оставалась она? Её сын от наложницы, который был старше законного сына, разве не готовился сейчас к экзаменам?

Е Демен, думая об этом, а также о событиях сегодняшнего дня, когда она незаметно подсказала Гу Хайтан идею, чтобы та спровоцировала выкидыш у Госпожи Синь и тем самым спасла себя из заточения, невольно улыбнулась с чувством удовлетворения. Она подумала, что, когда Гу Вэньмянь придёт, ей не стоит выглядеть радостной, а лучше показаться бледной, и быстро тихо приказала:

— Я только что немного поспала и не успела привести себя в порядок, принесите зеркало.

Обе служанки были преданы Е Демен и, естественно, желали ей успеха. Услышав это, они поклонились, и на их лицах появились признаки радости:

— Да, госпожа.

Небо постепенно темнело, и Двор Жунли погрузился в мягкий свет. В центре двора стояла груша, на которой тихо появился нежный побег, снова тронутый длинными пальцами.

Цинхуань только что вынесла из комнаты накидку и, подняв глаза, увидела, как её господин стоит в центре двора. Его белоснежные одежды развевались на ветру, а золотая вышивка в виде цветов груши на краях одежды мерцала в свете. Она поспешила подойти и накинула на него одежду, слегка взглянув в его сторону, и тихо сказала:

— Господин, солнце уже давно село, третий господин ушёл уже давно. Вам нельзя стоять здесь так долго, лучше вернитесь в комнату.

Гу Чжису убрал руку, слегка сжал пальцы и позволил Цинхуань накинуть на него накидку. Он вспомнил, как недавно обедал с Гу Чжихуай и отправил его домой с Ху Я, но не знал, сколько времени провёл здесь. Он спросил:

— Который сейчас час?

— Скоро время ужина.

Цинхуань не знала, почему Гу Чжису стоял во дворе так долго после отъезда Гу Чжихуай, и, поскольку она всё равно не понимала, о чём он думал, не стала спрашивать. Завязав накидку, она подняла глаза и спросила:

— Господин, вы хотите есть сейчас или позже?

Гу Чжису, хотя и не чувствовал голода, взглянул на небо и тихо вздохнул:

— Подавайте сейчас, не тяните.

Цинхуань кивнула:

— Да, господин.

Человек в белых одеждах уже собирался повернуться, но в этот момент сзади раздались лёгкие шаги, и голос Ху Цинь-эр произнёс:

— Господин.

Гу Чжису не обернулся, а лишь продолжил идти в комнату, спрашивая на ходу:

— В чём дело?

Ху Цинь-эр, видя, что он не останавливается, с подносом в руках последовала за ним и, остановившись перед ширмой, ответила:

— Господин, только что из Двора Ляньхуа пришла служанка и передала две вещи, сказав, что это подарки для вас.

— Двор Ляньхуа... Е Демен?

Гу Чжису, наклонившись, вымыл руки в медном тазу, услышав это, слегка поднял бровь. Он взял полотенце, чтобы вытереть воду, и с улыбкой жестом показал ей передать подарки.

— Посмотрим, что за добро она прислала.

Ху Цинь-эр обошла ширму, осторожно поставила поднос и открыла две коробки, отступив в сторону, чтобы Гу Чжису мог их осмотреть.

Гу Чжису, бросив беглый взгляд, не сразу разглядел содержимое. Теперь, внимательно рассмотрев его, он почти мгновенно прошёл мимо набора письменных принадлежностей, но его взгляд задержался на серебряной коробке, лежащей внутри шёлковой шкатулки. Его выражение стало немного загадочным, а пальцы медленно провели по выгравированным на ней узорам, особенно долго задержавшись на иероглифе «Гу» в правом нижнем углу.

Эта вещь была ему знакома из прошлой жизни. Когда он взошёл на престол и конфисковал имущество клана Гу, он случайно обнаружил её в комнате Госпожи Синь. Это была вещь, предназначенная для шуан или женщин, передаваемая только старшей невестке клана Гу. Он не ожидал, что так долго она находилась не у Госпожи Синь, а у наложницы Е... Он не знал, как в прошлой жизни Госпожа Синь заставила наложницу Е отдать её.

Гу Чжису осторожно открыл коробку и, как и ожидал, увидел внутри ту самую вещь. Он аккуратно вынул её и долго внимательно рассматривал, прежде чем наконец вздохнуть и тихо прошептать:

— Именно она, нефритовая печать с драконом Чилун, держащим жемчужину...

Цинхуань стояла за ним недалеко, и, поскольку вещь в руках Гу Чжису была размером с несколько шахматных фигур, она не могла разглядеть её детали. Её любопытство взяло верх, и она подошла ближе. Увидев в его ладони печать из чистого золота, украшенную зелёным и красным нефритом, изображающую дракона Чилун с жемчужиной во рту, она широко раскрыла глаза.

— Господин, это... что это?

— Эта вещь... Не ожидал, что она осмелится её прислать. Она уверена, что я не верну её?

Гу Чжису понимал, что Е Демен, прислав ему эту вещь вместе с набором письменных принадлежностей, хотела проверить его проницательность и понять, что он предпочтёт — внутренние дела или внешние, а также станет ли он мужчиной-шуан или женщиной-шуан. Вспомнив сына Е Демен, Гу Чжимины, он понял, что она действительно хотела узнать, будет ли он соперничать с Гу Чжиминем за место князя И, которое по праву принадлежало законному сыну Гу Хайчао.

Если бы он выбрал письменные принадлежности, Е Демен больше никогда не стала бы с ним сотрудничать. Но если бы он выбрал эту печать, она дала бы ему обещание — что бы он ни выбрал в будущем, кого бы ни полюбил или за кого бы ни вышел замуж, она сделает всё возможное, чтобы помочь ему.

— Стоит ли это обещание моих усилий?

Он невольно улыбнулся, поворачивая печать в руке, и тихо прошептал:

— К сожалению, я доверяю только себе, а не другим.

Цинхуань не расслышала его слов, но, разглядывая печать, с восторгом спросила:

— Господин, она такая красивая! Она действительно из золота?

Гу Чжису, видя её интерес, не отдал печать, а осторожно положил её обратно в коробку. Его взгляд смягчился, словно он что-то вспомнил, и он задумчиво улыбнулся:

— Разумеется, это же фамильная реликвия клана Гу.

Цинхуань, услышав, что это фамильная реликвия, сразу отступила немного дальше и, указывая на печать, воскликнула:

— Фамильная реликвия... Если это фамильная реликвия, как наложница Е могла её получить? Это, должно быть, князь подарил её. Почему она передала её вам?

— Да, эта печать — фамильная реликвия, красивая и ценная... По правилам, она никогда не должна была оказаться у меня. Даже если она её прислала, я не должен был её принимать, иначе это нарушило бы порядок. Если бы отец или мать узнали, меня бы наказали, и я бы точно потерял эту вещь.

Гу Чжису медленно закрыл серебряную коробку, затем шёлковую шкатулку и, сунув её в рукав, позволил Ху Цинь-эр убрать другую вещь обратно на поднос. Его взгляд стал загадочным, и он тихо сказал:

— Но раз она попала в мои руки, я не хочу её возвращать. У меня есть свои планы насчёт наложницы Е, так что не беспокойтесь... Давайте сначала поужинаем, а потом поговорим об этом.

Цинхуань всё ещё не понимала его слов, но кивнула и, взяв коробку с едой, стала готовить ужин. Через некоторое время она помогла Гу Чжису вымыть руки и, наблюдая, как он ужинает, с лёгкой песней ушла.

Когда ночь сгустилась и лунный свет упал на землю, Гу Чжису наклонился, задул свечу и

достал из рукава шёлковую шкатулку. Он задумчиво посмотрел на неё некоторое время, затем взял кисть приказа, осторожно открыл щель в оконной раме и, наблюдая, как белый дым уходит в ночь, улыбнулся и тихо прошептал:

<http://bllate.org/book/16652/1526133>